
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN FOREIGN AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

УДК 343.3(47)

DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(4).796-806

РОССИЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

А.И. Стребков, А.В. Алейников, А.Н. Сунами

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

17 марта 2015 г.

Дата принятия в печать

14 октября 2015 г.

Дата онлайн-размещения

28 декабря 2015 г.

Ключевые слова

Экстремизм; молодежь;
социальный конфликт;
общественная безопасность;
преступления экстремистской
направленности; противодействие
экстремизму; профилактика
экстремизма

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин и детерминирующих условий распространения экстремистской деятельности в среде российской молодежи, путей и средств предупреждения данного вида преступности. На основе теоретического синтеза криминологического подхода и инструментальных методов конфликтологии выявлены следующие направления интерпретации понятия «экстремизм»: круг особого качества радикальных установок, идей, теорий; разновидность поведения, представляющего общественную опасность; совокупность противоправных деяний, совершенных по специфическим мотивам ненависти. Обозначены трудности в юридическом понимании экстремизма и его толковании в правоприменительной практике: 1) экстремизм определяется и как некоторый вид деятельности, цели которой противоречат общественным нормам, и как модель экстремального поведения, мотивы которого вне контекста этой модели поведения имеют вполне легитимный характер; 2) при определении экстремизма через его противопоставление морали затруднение возникает в силу отсутствия всеобщности этих норм; 3) отнесение тех или иных участников социальных отношений к экстремистам может иметь политически обусловленный характер. Авторами делается вывод о том, что экстремизм может толковаться как идея и как действие. Как идея экстремизм представляет собой механическое объединение всевозможных человеконенавистнических концепций. Как способ конфликтного действия экстремизм характеризуется крайними формами насилия, пренебрежением существующими в данном обществе формальными и неформальными стереотипами социального поведения, отрицанием компромиссных моделей выхода из конфликта. Показано, что специфическим свойством молодежи является экстремальность в проявлении конфликтных интересов, крайне обостренное восприятие социальной действительности. В обществах, достигнувших высокого уровня жизни и многообразия предлагаемых путей реализации человеческого капитала, экстремальность молодежи воплощается в альтернативных субкультурах. В обществах с высоким уровнем социального напряжения она находит выход в криминальных, насильственных формах, в том числе и в экстремизме. Важно, чтобы профилактика экстремизма и силовое противодействие ему в молодежной среде включали в себя технологии мягкой силы.

RUSSIAN YOUTH EXTREMISM: PROBLEMS OF UNDERSTANDING AND COUNTERACTION

Aleksandr I. Strebkov, Andrei V. Aleinikov, Artem N. Sunami

St. Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2015, March 17

Accepted

2015, October 14

Available online

2015, December 28

Abstract. The paper analyses the causes and determining conditions for the spread of extremist activities among Russian youth as well as the ways and means of preventing such crimes. The theoretical synthesis of a criminological approach and instrumental methods of conflictology allowed the authors to identify the following interpretations of the concept of «extremism»: a circle of certain radical guidelines, ideas, theories; a kind of conduct that is socially dangerous; an aggregate of unlawful actions motivated by hatred. The authors outline the problems of legal understanding of extremism and its interpretation in law enforcement: 1) extremism is defined both as a type of activity whose goals contradict public norms and as a model of extreme behavior whose motives

Keywords

Extremism; youth; social conflict; public security; extremist crimes; extremism counteraction; extremism prevention

are quite legitimate outside the this model's framework; 2) the definition of extremism by its opposition to moral norms is impeded by the absence of a universal understanding of these norms; 3) labeling some participants of social relations as extremists could be politically motivated. The authors conclude that extremism can be interpreted both as an idea and as an action. The idea of extremism is a mechanical combination of different misanthropic conceptions. Extremism as an action taken in a situation of conflict is characterized by tremendous violence, disregard for formal and informal stereotypes of social conduct accepted in a society and rejection of compromise models of conflict resolution. It is shown that young people specifically are prone to taking extreme positions in case of conflicting interests and have a very acute perception of social reality. In societies with high living standards and multiple opportunities for self-realization this extreme behavior of youth is embodied in alternative subcultures. In societies with high levels of social tensions it takes criminal, violent forms, including extremism. It is important to incorporate soft power methods in extremism prevention and counteraction.

20 ноября 2013 г. президентом России В.В. Путиным была утверждена Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Этот документ примечателен тем, что в нем заключен взгляд современного российского государства на основные угрозы общественной безопасности страны. Среди наиболее существенных источников угроз общественной безопасности, в частности, называется «экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране»¹. При этом особую озабоченность у авторов концепции вызывает распространение подобных идей в среде российской молодежи.

Несомненно, что современная российская криминология не может пройти мимо столь актуальной проблемы. Необходимой задачей, решаемой в рамках именно криминологического подхода, должен стать анализ причин и детерминирующих условий данного вида преступности и определение на основе этого анализа путей и средств его предупреждения. Причем современная криминология, будучи междисциплинарной наукой, при изучении проблемы молодежного экстремизма может свободно обращаться к смежным подходам, например к методам и инструментарию конфликтологии. Полагаем, что такое сращивание потенциалов может дать толчок к сущностному пониманию глубинных причин данного негативного явления

и, соответственно, позволит найти адекватные способы воздействия на него.

Несмотря на достаточно длительную историю исследования экстремизма, в отношении его определения остаются довольно существенные коллизии. В широко цитируемой работе У. Бекеса «Способы и формы политического экстремизма в прошлом и настоящем», в которой описывается история научного анализа концепта «экстремизм» от античности до современности, фиксируется генеральная линия в понимании феномена экстремизма как некоего явления, которое обозначает собой границы нормативного поведения, точнее, представляет собой все то, что выходит за пределы морали и закона (farthest out) [1, с. 244–245]. Таким образом, традиционное понимание экстремизма, по крайней мере в его политическом смысле, близко к радикализму, к крайним течениям политического спектра — как правым, так и левым. Именно в таком смысле термин «экстремизм» был введен в научный язык в начале XX в. М. Лероем, который обозначил им те силы, которые используют в политической борьбе ненормативные средства [2].

В отечественной криминологической и уголовно-правовой литературе обнаруживается несколько направлений интерпретации понятия «экстремизм». Можно выделить понимание экстремизма через определение круга особого качества радикальных установок, идей, теорий, встречающееся, например, у Е.П. Сергуна [3, с. 61], или особой идеологии нетерпимости [4]. Другим пониманием экстремизма является его толкование как разновидности поведения, представляющего общественную опасность [5, с. 42], особого вида деятельности физических лиц, общественных объединений, СМИ [6, с. 19]

¹ Концепция общественной безопасности в РФ: офиц. сайт Президента РФ, 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>.

или некой совокупности противоправных деяний, совершенных по специфическим мотивам ненависти [7, с. 42]. Двойное толкование экстремизма в уголовно-правовой и криминологической литературе продолжает вызывать споры в среде специалистов-криминологов по поводу того, можно ли в принципе прийти к однозначному юридическому пониманию данного явления, исключающему, что немаловажно, полярное толкование одного и того же события в правоприменительной практике [8, с. 26].

И действительно, попытки дать точное толкование понятия «экстремизм» наталкиваются на ряд трудностей. Первая трудность заключается в том, что экстремизм определяется и как некоторый вид деятельности, цели, задачи и мотивы которой противоречат общественным нормам, и как модель экстремального поведения в деятельности, цели, задачи и мотивы которой сами по себе, вне контекста этой модели поведения, имеют вполне легитимный характер. Вторая трудность состоит в том, что, определяя экстремизм через его противопоставление морали и закону, мы испытываем понятное затруднение в силу отсутствия всеобщности этих норм. Приблизительно на таком понимании экстремизма базируется свои теоретические конструкции Р. Борэм. «Экстремизм может быть использован для обозначения политических идеологий, которые противостоят основным ценностям и принципам общества» [9, р. 10]. Отсюда частично вытекает и третья трудность, которая заключается в том, что причисление тех или иных участников социальных отношений к экстремистам может иметь политически обусловленный характер. В криминологической литературе подмечено, что «любое отклонение от официальной политической позиции (поскольку каких-либо основ научного истолкования этому нет) можно при желании квалифицировать как радикализм и экстремизм» [10]. Все эти трудности в конечном счете приводят к тому, что понятие «экстремизм» приобретает характер оценочного суждения, находящегося под влиянием взглядов оценивающего, исторического контекста оцениваемого явления и т.д.

Тем не менее в нормативных документах имеются используемые определения экстремизма. Встречается толкование экстремизма как «формы политической деятельности, явно или исподволь отрицающей принципы

парламентской демократии и основанной на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма»¹. Или он трактуется как «деяния, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством»².

Как уже было сказано, экстремизм может толковаться как идея и как действие. Как идея он, по сути, представляет собой механическое объединение всевозможных концепций, уже заслуживших некое историческое признание как человеконенавистнических цивилизованным сообществом (фашизм) или же отдельными социальными или политическими группами (большевизм). В силу этого отдельной смысловой нагрузки понятие экстремизма как идеи не несет.

Экстремизм как действие представляется гораздо более поддающимся научному анализу. Именно экстремизм в форме экстремистской деятельности, собственно, и имеет в российском законодательстве правовое значение и соответствующую правовую оценку. В ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ понятие экстремистской деятельности (экстремизма) включает в себя следующие действия: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку

¹ Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: резолюция ПАСЕ 1344 / Парламент. Ассамблея Совета Европы. 2003. URL: http://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/%5Brussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp.

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: офиц. текст // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41, ст. 394.

его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг¹. При этом данная в законе интерпретация экстремизма вызывает критику со стороны экспертного сообщества, которое заключает, что имеющийся сейчас набор признаков носит разноплановый характер, не охватывает полностью весь спектр экстремистских действий [11, с. 7]. Естественно,

что столь противоречивая правовая конструкция сказывается на реальной правоприменительной практике. Так, в научной литературе отмечается, что «по отношению к тому, что называется в обществе «взглядами», применение определения экстремистских далеко не столь просто и однозначно... С государственно-политической точки зрения, определение степени общественной опасности любых взглядов и высказываний должно вырабатываться не кулуарно-экспертным, а демократическим путем — в ходе широких и свободных общественных, научных и парламентских дискуссий, с окончательной опорой на широкое общественное мнение конкретной страны» [12, с. 23–24]. В зарубежных источниках описаны техники отнесения того или иного деяния к экстремистскому преступлению, принятые на Западе. В частности, созданная в 2006 г. в США База экстремистских преступлений (The Extremist Crime Database) относит к таковым деяния, отвечающие двум параметрам: 1) поведенческий критерий, т.е. совершение акта насилия; 2) мировоззренческий параметр (attitudinally), т.е. наличие хотя бы у одного преступника, совершившего данный акт, крайне правых взглядов [13, р. 198].

И наконец, чтобы избежать неточностей в толковании используемых нами терминов, необходимо сказать, что экстремизм в уголовно-правовом значении являет собой отграниченный от других уголовно наказуемых деяний вид преступлений — преступления экстремистской направленности. Основываясь на постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11², можно сделать вывод, что преступления экстремистской направленности включают в себя: 1) преступления, при совершении которых экстремистские мотивы входят в основной состав преступления (деяния, предусмотренные статьями УК РФ: ст. 136 «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»; ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»; ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»; ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества»; ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской

¹ О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011. 4 июля.

организации»); 2) преступления, в которых экстремистский мотив являетсяотячающим обстоятельством, исходя из текста соответствующих статей (ст. 105 «Убийство», ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Похищение» и т.д.); 3) иные преступления, если в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства будет установлено, что они были совершены по экстремистским мотивам.

Используя конфликтную парадигму современной общественной науки, можно определить экстремизм как способ конфликтного действия, характеризующийся крайними формами насилия, пренебрежением существующими в данном обществе формальными и неформальными стереотипами конфликтного поведения, требующими предельной степени мнимой или реальной гомогенности как себя, так и врага, отрицанием компромиссных моделей выхода из конфликта, приводящим к приобретению таким конфликтом черт антагонистичности и контраверсивности [14, с. 178]. Близко к этому экстремизм определяет В.В. Устинов — «как социально-политическое явление, форму политической борьбы, характеризующейся отрицанием существующих государственных и общественных институтов, а также стремлением подорвать стабильность и заменить сложившийся порядок» [15, с. 16]. Такое толкование экстремизма позволяет в одинаковой степени исследовать разные социальные явления, в которых возможны такие крайние формы участия, а также уйти от односторонней негативной интерпретации данного феномена. В подобной оценке экстремизма конфликтный подход совпадает с некоторыми современными криминологическими концепциями. Так, В.В. Лунеев замечает, что «придание экстремизму только негативного и особенно политически преступного характера, что характерно для современной России, является глубоко односторонним, ошибочным или, по крайней мере, сомнительным уголовно-правовым и криминологическим решением» [10, с. 44].

В рамках данной статьи нам интересно, что в силу имеющихся социальных, психофизиологических особенностей одним из основных демонстрантов такого способа конфликтного поведения является молодежь. Молодежь как социальная

группа может толковаться по-разному. С точки зрения российского законодательства, несмотря на отсутствие специального закона о молодежи, большинство нормативно-правовых актов определяет молодежь как лиц в возрасте от 14 до 30 лет. Так, в Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года (утвержденных распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) молодежь включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях — до 35 и более лет¹. В целом имея в виду именно указанную возрастную категорию, мы остановимся на мнении, что, помимо возрастных границ, сущностной чертой молодежи является то, что это — поколение людей, проходящих стадию первичной социализации. Тем самым весь социум мы можем разделить на две группы: принимающих социальный опыт (молодежь) и передающих социальный опыт. Такое диалектическое понимание сущности и природы процесса социализации позволяет сказать о конфликтных отношениях, присущих ему атрибутивно в силу очевидной разности интересов и потребностей данных групп.

В научной литературе встречается интерпретация экстремизма как одной из форм отчуждения индивида от культуры, базовых ценностей, культурных традиций и т.д. [16]. Таким образом, достаточно просто соотнести социализацию молодежи и молодежный экстремизм. Тем не менее мы думаем, что данная модель несколько примитивизирует проблему, сводя ее к некоей ошибке в сценарии социализации. Также очевидно, что экстремистские группы зачастую настаивают на том, что как раз они-то и отстаивают базовые ценности, а отчужденными от них являются все остальные. Также спорно то, что, если именно молодежь проходит стадию первичной социализации, экстремизм должен быть в большей степени свойствен ей, чем старшему поколению. Мы же считаем, что не сами экстремистские взгляды особо присущи молодежи. Экстремальность в проявлении конфликтных интересов в гораздо большей степени может быть рассмотрена как специфическое свойство молодежи.

¹ Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29 нояб. 2014 г. № 2403-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50, ст. 7185.

Противоречия, возникающие при социализации молодежи, испытываемая в связи с этим фрустрация вкупе с отсутствием необходимого опыта рационального поведения в социальных отношениях формируют особую черту молодежи — экстремальность, которая проявляется как крайне обостренное восприятие молодежью социальной действительности. Попытки идентифицировать себя, часто через противопоставление другому, который становится предметом приложения имеющейся агрессии, поиск подходящих субкультурных ниш — все это в конечном счете трансформирует психологическую неудовлетворенность молодежи в фанатизм — явление, близкое по своей природе к экстремизму. Фанатизм может иметь разные сферы приложения. Мы встречаем его в спорте, политике, межэтнических отношениях, но независимо от сферы он имеет одинаковые черты: нетерпимость к инакомыслящим, пренебрежение социальными нормами и т.д.

Имманентной чертой молодежи как группы, находящейся в процессе первичной социализации, является экстремальность, но ее степень и характер зависят от общих кондиций социальной среды. В обществах, достигнувших высокого уровня жизни и многообразия предлагаемых путей реализации человеческого капитала, экстремальность молодежи воплощается преимущественно в музыкальных и иных субкультурах, экстремальных видах спорта. В обществах же, где социальные отношения накалены до предела, экстремальность молодежи находит выход в своих криминальных, насильственных формах, в том числе и в экстремизме.

В научной литературе выделяется три этапа перерастания экстремальности в экстремизм [17, с. 44–45]. Первый этап — формирование экстремистской среды, т.е. тех социальных условий, которые служат предпосылками трансформации экстремальности в экстремизм. Данные социальные условия уже стали тривиальными в оценке состояния современного российского социума: духовно-нравственная трансформация общества, большой децильный коэффициент разрыва между богатыми и бедными, деформация системы образования и воспитания и т.д. Эти характеристики, очевидно в значительном объеме присущие современной России, чаще всего называются в качестве детерминантов роста экстремистских настроений. Соответственно, изме-

нение негативных тенденций в сторону не только роста экономического благосостояния, но и повышения уровня доверия в социальных отношениях должно способствовать снижению уровня такого рода преступности. По крайней мере, на связь низкого уровня преступности и успешной реализации модели государства всеобщего благосостояния (welfare state) часто указывают зарубежные авторы, например С. Вирта [18, р. 342].

На втором этапе, который принято называть организационным, предполагаются уже не просто некие экстремистские потенции, а членство в экстремистских организациях и движениях. Отмеченные предпосылки лишь являются питательной средой для генезиса экстремистских настроений, но отнюдь не предполагают неизбежного проявления таковых. Для того чтобы потенциальное стало реальным, молодым людям с близкими фрустрациями необходимо объединение с соратниками. Это замечают и зарубежные криминологи, в частности М. Хамм. Исследование субкультурных аспектов экстремистских преступлений позволяет ему сделать вывод, что экстремисты, как правило, являются выходцами из рабочих слоев. Они наследуют цели и интересы данного класса. Некоторые из них могут участвовать в преступности, но большинство этого не делают. Их общий путь в экстремизм начинает обретать форму, когда они знакомятся с гомогенными молодежными субкультурами с определенной идеологией [19, р. 326]. Подтверждает это мнение и М.А. Соколов. Излагая результаты собственного исследования молодежной преступности в целом, он пишет, что «включение лиц раннего молодежного возраста в организованную преступную деятельность является, прежде всего, следствием негативного воздействия самой организованной преступности как сложного криминального явления. Это воздействие может иметь различные формы, предполагающие как непосредственное вовлечение (вербовку) в организованные преступные формирования, так и порождение у молодежи преступной мотивации посредством целенаправленно продуцируемой криминальной субкультуры» [20, с. 137–138].

Третий этап, называемый деятельностью, характеризуется уже совершением конкретных экстремистских деяний. Очевидно, что данный этап чаще всего и попадает в поле зрения правоохранительных органов в качестве экстре-

мистской деятельности или преступлений экстремистской направленности, тогда как первые два ускользают от их внимания.

Кондиции общественной среды лишь создают почву для экстремистского действия, последующие этапы описывают инфраструктурные особенности развития экстремизма. Конфликтный же подход помогает сделать вывод, что обращение к экстремистскому способу конфликтного действия актуализируется в определенных обстоятельствах объективного и субъективного толка. Социальный субъект прибегает к данному способу конфликтного действия, по-видимому, по причине того, что либо иные способы оказываются недоступны, либо посредством них в имеющихся социальных условиях невозможно добиться полноценного удовлетворения наличествующих у субъекта интересов и потребностей. Так, анализируя состояние борьбы с преступностью в современной России, А.В. Павлинов в ряде своих исследований указывает на связь экстремизма с деформацией властных отношений в «горячих» российских регионах. При этом он обоснованно подчеркивает, что эта взаимосвязь коррупции и экстремизма видна уже не только в регионах Северного Кавказа [21]. Можно вспомнить события в Западном Бирюлево осенью 2013 г. Столкновения на этнической почве, сопровождавшиеся погромами мест компактного проживания мигрантов, получили оценку руководства московской полиции как экстремистская деятельность. В то же время в прессе указывалось, что на протяжении долгого периода, предшествовавшего данным событиям, жители района неоднократно сигнализировали о негативной криминогенной обстановке, вызванной скоплениями незаконных мигрантов, живущих в дичайших условиях, но адекватной реакции местных властей так и не последовало. Также вероятно, что, наблюдая экстремистский способ конфликтного действия, мы можем иметь дело с сугубо субъективным феноменом, описанным в психологической литературе как «конфликтные личности». В таком случае обращение к анализируемому способу конфликтного действия обусловлено не объективными факторами социальной среды, а психологическими особенностями самого субъекта.

В научной литературе можно встретить много попыток классификации видов и типов экстремизма. Выделять виды экстремизма на

основании проблем, по поводу которых совершаются экстремистские деяния, представляется контрпродуктивным, ибо «ассортимент» таких видов экстремизма, как, например, экстремизм борцов за права животных, уже описанный в зарубежной научной литературе [22], будет равен списку общественных проблем, количество которых воистину бесконечно. Примером качественной типологизации экстремизма является классификация В.А. Смирнова — по направленности экстремистского действия (этнический, религиозный, политический и т.д.) и по степени сформированности экстремистских установок (стихийный и организованный) [23, с. 78–80].

Говоря о методах противодействия молодежному экстремизму, следует обратиться к Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, который указывает два направления борьбы с экстремизмом:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;
- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

По отношению к молодежному экстремизму весьма условно можно сказать, что это деятельность по силовому противодействию молодежному экстремизму и содействию решению социально-экономических проблем молодежи, детерминирующих рост экстремистских настроений.

Мы уже указывали на некоторые проблемы в части правоприменительной практики борьбы с экстремизмом. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры в РФ (crimestat.ru) в некотором смысле заставляет нас сомневаться в опасениях, содержащихся в Концепции общественной безопасности РФ, которые мы цитировали в начале статьи. Действительно, относительные показатели преступлений экстремистской направленности (здесь и далее имеется в виду вся выборка, а не только преступления, совершенные молодежью) начиная с 2011 г. постоянно растут, темпы их прироста в декабре 2014 г. по отношению к 2011 г. составили поряд-

ка 40 %. Однако абсолютные показатели говорят нам о незначительности доли преступлений экстремистской направленности в общем количестве уголовных преступлений. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 1 024 преступления экстремистской направленности, из них по 720 случаям уголовные дела были направлены в суд, выявлено 833 лица, совершивших данные преступления. В общем объеме зарегистрированных преступлений (2 166 399 в 2014 г.) удельный вес преступлений экстремистской направленности составляет микроскопическое количество даже по сравнению с преступлениями особой тяжести (127 374 в 2014 г.).

При этом исследователи современного российского экстремизма полагают, что данные официальной статистики не должны вводить нас в заблуждение касательно реального уровня экстремизма в России в силу как высокого уровня латентности данного вида преступлений, на который мы уже указывали выше, так и имеющих на данном этапе развития правоохранительной системы институциональных особенностей силового противодействия экстремизму, как то: пробельность и противоречивость современного антиэкстремистского законодательства; низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и т.д. [24, с. 324].

Таким образом, очевидно, что при такой высокой степени латентности преступлений профилактическое направление работы с молодежным экстремизмом приобретает первостепенное значение. Вместе с тем опыт сочетания уголовных и социально-политических мер, применяемых в отношении преступности, указывает нам на ряд принципиальных проблем. Так, сходную ситуацию мы можем наблюдать в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, где такое сочетание также активно используется [25]. Практическое отсутствие реального взаимодействия силового и социально-политического блоков в борьбе с наркотиками является главной проблемой эффективности антинаркотической политики на протяжении многих лет. Замалчиваемый раскол в мировоззрении, методах, технологиях работы между государственными органами, когда одно и то же лицо для одних является преступником, а для других — человеком в сложной жизненной ситуации, которому следует оказать помощь, не позволяет наладить эффективное межведомственное сотрудниче-

ство и координацию [26]. Нет сомнений, что нечто похожее мы сможем обнаружить и в случае с экстремизмом. Потому важно, чтобы профилактика экстремизма и силовое противодействие ему не были поделены между принципиально разными ведомствами, в противном случае эффективной координации усилий, скорее всего, не будет. На необходимость включения технологий мягкой силы по отношению к проблеме экстремизма именно в деятельности полиции как сугубо силовой структуры часто указывают зарубежные авторы [27].

В Методических рекомендациях по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде, подготовленных в 2011 г. Министерством спорта, туризма и молодежной политики РФ совместно с МВД России, содержится указание на объект противодействия и профилактики. Выделяются группы риска, наиболее уязвимые с точки зрения участия молодежи в экстремистской деятельности. К ним относят выходцев из неблагополучных, социально дезориентированных семей, имеющих низкий социально-экономический статус, золотую молодежь, детей, подростков, молодых людей, имеющих склонность к агрессии, носителей молодежных субкультур, членов экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект¹. Такое выделение кажется целесообразным, ибо конкретизирует и уточняет содержание профилактики молодежного экстремизма, однако и несколько рискованно, поскольку предполагает изначальную подозрительность к отдельным группам молодежи. В зарубежных источниках достаточно широко освещается проблема стигматизации отдельных сообществ, в частности мусульманских общин Западной Европы, как экстремистских. В таком случае механизм выделения групп риска может давать сбой и приводить сначала к навешиванию ярлыков, а в последующем к реальной радикализации стигматизированного сообщества [28].

Также Методические рекомендации содержат и конкретные меры, которые могут благотворно повлиять на снижение числа преступлений экстремистской направленности, совершаемых российской молодежью. Важной ме-

¹ Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде // Министерство спорта РФ: офиц. сайт. URL: <http://youth.minstm.gov.ru/32/130.shtml>.

рой считается усиление традиционных агентов социализации, с тем чтобы рационально сократить объем неконтролируемого времяпрепровождения молодежи. Целесообразно также принять меры для обратного перевода экстремизма в экстремальность, например создать условия для развития экстремальных видов спорта. Ослабить экстремистские устремления молодежи могло бы предложение субкультур, в рамках которых социально-политическая энергия молодежи была бы направлена в позитивное русло.

Усиление профилактики молодежного экстремизма в России, на наш взгляд, вполне соотносится с конфликтной интерпретацией экстремизма, предложенной в данной статье. Очевидно, что необдуманное использование исключительно силовых технологий подавления

экстремизма не принесет ожидаемого эффекта, ибо он будет постоянно, конечно, при наличии определенных условий, воспроизводиться в общественном поведении до тех пор, пока не будут искоренены обстоятельства, породившие его. Важным аспектом, особенно в условиях непростой социально-экономической ситуации в стране, должно стать внимание государства к реальным, а главное — законным интересам и потребностям граждан, поскольку игнорирование данных интересов и потребностей главным образом и вызывает желание граждан прибегнуть к ненормативному способу их отстаивания. Таким образом, понимание экстремизма как способа конфликтного поведения усиливает потенциал криминологического анализа современного российского молодежного экстремизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Backes U. Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present / U. Backes // *Central European Political Studies Review*. — 2007. — Vol. 9, pt. 4. — P. 242–262.
2. Писаренко О.Н. Экстремизм как социальное явление / О.Н. Писаренко // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. — 2010. — № 9. — С. 212–219.
3. Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.П. Сергун. — Тамбов, 2009. — 235 с.
4. Бирюков В.В. Еще раз об экстремизме / В.В. Бирюков // *Адвокат*. — 2006. — № 12. — С. 66–71.
5. Жилкин М.Г. Уголовно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом / М.Г. Жилкин // *Экстремизм и другие криминальные явления*. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2008. — 239 с.
6. Истомин А.Ф. К вопросу об экстремизме / А.Ф. Истомин, Д.А. Лопаткин // *Современное право*. — 2005. — № 7. — С. 19–24.
7. Пономаренков В.А. Сущностная характеристика современного экстремизма / В.А. Пономаренков, М.А. Яворский // *Юридический мир*. — 2008. — № 2. — С. 41–43.
8. Залужный А.Г. Экстремизм: Сущность и способы противодействия / А.Г. Залужный // *Современное право*. — 2002. — № 12. — С. 23–27.
9. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories / R. Borum // *Journal of Strategic Security*. — 2011. — № 4. — P. 7–36.
10. Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму / В.В. Лунеев // *Государство и право*. — 2009. — № 9. — С. 44–64.
11. Зеленина О.В. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов / О.В. Зеленина, П.Е. Сулонов. — Екатеринбург, 2009. — 90 с.
12. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / А.Н. Дибиров, Г.К. Сафаралиев, Л.М. Пронский, Р.А. Шаряпов. — Махачкала : Лотос, 2009. — 640 с.
13. American Terrorism and Extremist Crime Data Sources and Selectivity Bias: An Investigation Focusing on Homicide Events Committed by Far-Right Extremists / S.M. Chermak, J.D. Freilich, W.S. Parkin, J.P. Lynch // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — № 28. — P. 191–218.
14. Сунами А.Н. Молодежный экстремизм, ксенофобия, интолерантное поведение: конфликтный анализ российского Интернета / А.Н. Сунами // *Конфликтология*. — 2013. — № 1. — С. 178–185.
15. Устинов В.В. Обвиняется терроризм / В.В. Устинов. — М. : Олма-Пресс, 2002. — 416 с.
16. Римский А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления / А.В. Римский, А.В. Артюх // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия, Социология, Право*. — 2009. — № 16 (71). — С. 244–249.
17. Боргоякова Т.В. О проявлениях экстремизма и радикализма в российской молодежной среде / Т.В. Боргоякова // *Аналитический вестник*. — 2007. — № 4 (321). — С. 43–56.
18. Virta S. Governing urban security in Finland: Towards the «European model» / S. Virta // *European Journal of Criminology*. — 2013. — № 10 (3). — P. 341–353.
19. Hamm M.S. Apocalyptic violence: The seduction of terrorist subcultures / M.S. Hamm // *Theoretical Criminology*. — 2004. — Vol. 8 (3). — P. 323–339.

20. Соколов М.А. Криминологическая характеристика организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.А. Соколов. — М., 2015. — 223 с.
21. Павлинов А.В. Антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты / А.В. Павлинов. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 408 с.
22. Donovan J. Animal rights extremism: Victimization, investigation and detection of a campaign of criminal intimidation / J. Donovan, R.T. Coupe // *European Journal of Criminology*. — 2013. — № 10 (1). — P. 113–132.
23. Смирнов В.А. Основы молодежной политики в сфере профилактики экстремизма / В.А. Смирнов // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2008. — № 14 (115). — С. 78–88.
24. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Петрянин. — М., 2014. — 501 с.
25. Алейников А.В. Мнение населения о проблеме употребления наркотиков как социально-гигиенический фактор / А.В. Алейников, А.И. Стребков, А.Н. Сунами // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2015. — № 3. — С. 7–11.
26. Сунами А.Н. Борьба с наркотиками как совокупность социальной, уголовной и антинаркотической политики / А.Н. Сунами // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. — 2009. — № 3. — С. 262–271.
27. Holdaway S. Police race relations in the Big Society: Continuity and change / S. Holdaway // *Criminology & Criminal Justice*. — 2013. — № 13 (2). — P. 215–230.
28. Greer S. Anti-terrorist laws and the United Kingdom's 'suspect muslim community'. A reply to Pantazis and Pemberton / S. Greer // *The British Journal of Criminology*. — 2010. — № 50. — P. 1171–1190.

REFERENCES

1. Backes U. Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present. *Central European Political Studies Review*, 2007, vol. IX, pt. 4, pp. 242–262.
2. Pisarenko O.N. Extremism as a social phenomenon. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Humanities scientific researches*, 2010, no. 9, pp. 212–219. (In Russian).
3. Sergyn E.P. *Ekstremizm v rossiyskom ugovnom prave. Kand. Diss.* [Extremism in Russian Criminal Law. Cand. Diss.]. Tambov, 2009. 235 p.
4. Biryukov V.V. One more time about extremism. *Advokat = Lawyer*, 2006, no. 12, pp. 66–71. (In Russian).
5. Zhilkin M.G. Criminal law aspects of fighting extremism. *Ekstremizm i drugie kriminal'nye yavleniya* [Extremism and other criminal phenomena]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2008. 239 p.
6. Istomin A.F., Lopatkin D.A. To the issue of extremism. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2005, no. 7, pp. 19–24. (In Russian).
7. Ponomarenkov V.A., Yavorskii M.A. Characterizing the essence of contemporary extremism. *Yuridicheskiy mir = The Legal World*, 2008, no. 2, pp. 41–43. (In Russian).
8. Zaluzhnyi A.G. Extremism: essence and counteraction measures. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2002, no. 12, pp. 23–27. (In Russian).
9. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, no. 4, pp. 7–36.
10. Luneev V.V. Issues of criminalization and counteracting extremism. *Gosudarstvo i Pravo = State and Law*, 2009, no. 9, pp. 44–64. (In Russian).
11. Zelenina O.V., Suslonov P.E. *Metodika vyavleniya priznakov ekstremizma. Protsessual'nye issledovaniya (ekspertizy) audio-, video- i pechatnykh materialov* [The methodology of detecting attributes of extremism. Procedural research (expertise) of audio, video and print materials]. Yekaterinburg, 2009. 90 p.
12. Dibirov A.N., Safaraliev G.K., Pronskii L.M., Sharyapov R.A. *Sovremenniy politicheskii ekstremizm: ponyatie, istoki, prichiny, ideologiya, problemy, organizatsiya, praktika, profilaktika i protivodeistvie* [Contemporary political extremism: concept, sources, causes, ideology, issues, organization, practice, prevention and counteraction]. Makhachkala, Lotos Publ., 2009. 640 p.
13. Chermak S.M., Freilich J.D., Parkin W.S., Lynch J.P. American Terrorism and Extremist Crime Data Sources and Selectivity Bias: An Investigation Focusing on Homicide Events Committed by Far-Right Extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, no. 28, pp. 191–218.
14. Sunami A.N. Youth extremism, xenophobia, intolerant behavior: conflict analysis of the Russian internet. *Konfliktologiya = Conflictology*, 2013, no. 1, pp. 178–185. (In Russian).
15. Ustinov V.V. *Obvinyatsya terrorizm* [Terrorism is accused]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 416 p.
16. Rimskii A.V., Artyukh A.V. Extremism and terrorism: concept and key manifestations. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya, sociologiya, pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Philosophy. Sociology. Law*, 2009, no. 16 (71), pp. 244–249. (In Russian).
17. Borgoyakova T.V. On the manifestations of extremism and radicalism among Russian youth. *Analiticheskij vestnik = Analytical Journal*, 2007, no. 4 (321), pp. 43–56. (In Russian).
18. Virta S. Governing urban security in Finland: Towards the «European model». *European Journal of Criminology*, 2013, no. 10 (3), pp. 341–353.
19. Hamm M.S. Apocalyptic violence: The seduction of terrorist subcultures. *Theoretical Criminology*, 2004, vol. 8 (3), pp. 323–339.

20. Sokolov M.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika organizovannoi prestupnoi deyatel'nosti lits rannego molodezhnogo vozrasta. Dokt. Diss.* [Criminological characteristics of organized criminal activities of young persons. Doct. Diss.]. Moscow, 2015. 223 p.
21. Pavliniv A.V. *Antigosudarstvennyi ekstremizm: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Antistate extremism: criminal law and criminological aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2008. 408 p.
22. Donovan J., Coupe R.T. Animal rights extremism: Victimization, investigation and detection of a campaign of criminal intimidation. *European Journal of Criminology*, 2013, no. 10 (1), pp. 113–132.
23. Smirnov V.A. Basics of youth policy in extremism prevention. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 14 (115), pp. 78–88. (In Russian).
24. Petryanin A.V. *Protivodeistvie prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: ugovovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty. Dokt. Diss.* [Counteracting extremist crimes: criminal law and criminological aspects. Doct. Diss.]. Moscow, 2014. 501 p.
25. Aleinikov A.V., Strebkov A.I., Sunami A.N. Communities' attitude to abusing drugs as a socio-hygienic factor. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny = Issues of Social Hygiene, Healthcare and the History of Medicine*, 2015, vol. 23, iss. 3, pp. 7–11. (In Russian).
26. Sunami A.N. Fighting illegal drugs as a combination of social, criminal and anti-drug policies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6, Filosofiia. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 6, Philosophy. Culturology. Politology. Law. International Relations*, 2009, iss. 3, pp. 262–271. (In Russian).
27. Holdaway S. Police race relations in the Big Society: Continuity and change. *Criminology & Criminal Justice*, 2013, no. 13 (2), pp. 215–230.
28. Greer S. Anti-terrorist laws and the United Kingdom's «suspect muslim community». A reply to Pantazis and Pemberton. *The British Journal of Criminology*, 2010, no. 50, pp. 1171–1190.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стребков Александр Иванович — заведующий кафедрой конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: strebkov.com@mail.ru.

Алейников Андрей Викторович — доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: av-aleynikov@yandex.ru.

Сунами Артем Николаевич — старший преподаватель кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: iartemsunami@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Стребков А.И. Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия / А.И. Стребков, А.В. Алейников, А.Н. Сунами // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 4. — С. 796–806. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).796-806.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Strebkov, Aleksandr I. — Head, Chair of Conflictology, Saint-Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: strebkov.com@mail.ru.

Aleynikov, Andrei V. — Chair of Conflictology, Saint-Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: av-aleynikov@yandex.ru.

Sunami, Artem N. — Senior Instructor, Chair of Conflictology, Saint-Petersburg State University, Ph.D. in Political Sciences, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: a.sunami@spbu.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Strebkov A.I., Aleynikov A.V., Sunami A.N. Russian youth extremism: problems of understanding and counteraction. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 796–806. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).796-806. (In Russian).